

Читайте в серии
«ЛЮБЛЮ ТЕБЯ НЕНАВИДЕТЬ»:

Мария Зайцева
«Играй в тебя»

Галина Шатен
«Глухие»

Галина Шатен

Глухие

**LIKE
BOOK**

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т41

Иллюстрация на обложке *Алёны Жук*

Художественное оформление *Ольги Кандела*

Внутреннее оформление *Елены Ефименко*

Шатен, Галина.

Т41 Глупые / Галина Шатен. — Москва : Эксмо, 2026. — 512 с. — (Люблю тебя ненавижу).

ISBN 978-5-04-238126-3

Варя сбегает из дома: подальше от жестокого отца и равнодушной матери. Теперь вся её жизнь состоит из изнуряющей работы и учёбы. Греем лишь заветная мечта вытащить младшую сестру из того же ада.

Тимур — сын мэра, задыхающийся от лицемерия вокруг. Риск и скорость нелегальных гонок — единственное, что он ещё может контролировать.

Их сталкивает общий проект, который быстро превращается в опасное противостояние. Варя презирает напарника за надменность, он её — за способность видеть его настоящим. Однако каждое столкновение лишь сокращает дистанцию между ними.

Но времени разбираться в чувствах нет. Варю разыскивает семья, а отец Тимура готов на всё, лишь бы сын не повторял его ошибок. И чем сильнее их тянет друг к другу, тем стремительнее они приближаются к точке, после которой пути назад уже не будет.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Галина Шатен, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-238126-3

Твоего солнца хватит на десять Африк.
А твоего холода — на несколько Антарктид.

Р. Рождественский

Тимур

Удобно устраиваюсь в кресле, чуть сползаю вниз и расставляю ноги пошире. Если уж и ждать, то в удобной позе. Ловлю на себе взгляд секретарши и лениво осматриваю ее. Волосы, выкрашенные в медный, волосок к волоску, неидеальный макияж и выразительные глаза за линзами очков в тонкой золотой оправе. Желтая блузка выгодно обтягивает внушительных размеров грудь.

Ничего так.

Это, по-моему, третья за год: бате надоедает нагибать одну и ту же. Еще бы. Кому бы не надоело? Смущаясь, девчонка упорно делает вид, что увлечена работой в компьютере. Но я-то знаю, что понравился ей, как и многим другим. Природа постаралась на славу, когда ваяла меня. А еще постарался я — с помощью спорта и упорных тренировок.

После того как папа подал заявку на пост мэра, модельные и рекламные агентства бегают за мной по пятам. Я чертовски хорош. Я магнит для любой телочки, и неважно,

какого она возраста. Не скажу, что этим не пользуюсь. От жизни нужно брать все. Но только один раз.

— Пусть войдет. — Отцовский голос, доносящийся из селектора на столе, разрушает тишину. А так хорошо сидели.

— Вадим Федорович ждет, — оповещает секретарь. Словно я слабоумный или глухой.

Отец сидит в огромном кожаном кресле, напоминающем трон. Батя — парень огромный, с сединой в висках и цепким взглядом. Перебирает пальцами по столу, ни разу не спуская с меня глаз. Они такие же серые, как и мои.

— Привет, — плюхаюсь на кожаный диван и оглядываю кабинет, как будто нахожусь здесь впервые.

— Ты, верно, издеваешься? — Его голос гремит так, что, должно быть, слышно в соседнем городе. — Ты хоть представляешь, сколько бабла пришлось отвалить?

— Много?

— Много, черт тебя дерит? — Отец нависает над столом. Ого, папая, кажись, реально зол. — Я обеспечиваю тебя, рву зад, чтобы ты ни в чем не нуждался. Даю тебе образование! От тебя только требуется вести себя по-человечески. По-человечески!

— Ну, извини, — слегка пожимаю плечами.

— Извини? — ревет отец, после чего ударяет кулаком по столу. Удивляет, как тот не раскололся. — Ты ведь прекрасно знаешь, что я баллотировался!

А кто ж не знает. Каждая собака в курсе. Снова передергиваю плечами. Отец смотрит на меня пару секунд, а затем устало валится обратно в кресло.

— Отдавай ключи и права, — проговаривает он.

— Надолго?

— Пока я не решу тебе их вернуть.

— Я больше не буду.

— Тимур, не катит. — Отец указательным пальцем стучит по столу.

Достаю брелок от тачки и документы, оставляю на столе:

— Все?

— Да, иди, — отец жестом указывает на дверь. — Ах да! Чуть не забыл. С понедельника ты на исправительных работах.

Какого...

— Чего?

— Да-да, сынок. А как ты хотел? Попал в газету, теперь на радость толпе будь добр и наказание отбывать. Приют «Медвежонок». В понедельник после пар, ровно к пяти вечера. По два часа красим стены.

— Па, ты не серьезно.

— Поспорим? — папа поднимает брови, и мы некоторое время сверлим друг друга взглядами. — И не дай бог мне поступят жалобы или позвонят и доложат о твоём отсутствии. Пеняй тогда на себя. Ты знаешь — меня лучше не выводить.

Какие, к черту, исправительные работы, мать вашу за ногу?! Но я не подаю виду, нацепив маску безразличия. Не будет ему радости. Хмыкаю и, отсалютовав папе, направляюсь к выходу. Дверью не хлопаю — я же не сопливая девчонка.

— Хорошего секса в конце дня, — бросаю секретарше, отчего она аж подскакивает на месте и вспыхивает.

— Чт... Что, простите?

Останавливаюсь у выхода из приемной и невинно улыбаюсь:

— Хорошего дня, говорю. Вам что-то послышалось? — подмигиваю и исчезаю за дверьми приемной.

— Попандос, — ржет Вовка Панов за рулем своего «Ауди». — И как ты собираешься участвовать в заездах без тачки?

— На роликовых коньках, — добавляет второй придурок — Толик, его брат-близнец. И с этими идиотами мне приходится дружить всю жизнь.

— Следующий заезд аж в середине марта назначен. За месяц-полтора много что может измениться, — отзываюсь, когда они наконец смолкают. — Батя вспыльчивый, но я единственный сынишка. Вов, притормози к автоокошку, кофе кайф глотнуть.

— Мы из-за твоего кофе не успеем на лекцию. Я на фига так рано вставал?

— Не ворчи, отличница, — пихаю Толика в плечо с заднего сиденья. Вова заворачивает к автоокну, и все мы получаем по стаканчику капучино.

— А теперь реально надо спешить. Говорят, по социологии у нас звезда какая-то будет, с пулей в голове. А я летом еще хочу нормально отдохнуть. Нажимай, братко, на газ!

У Пановых отче всегда строго ведет учет их посещаемости в университете, с первого дня как мы поступили. Он крупная рыба, адвокат с именем. Часто в Москве мелькает. Даже по телику выступает. Но если мой батя получил бизнес от своего отца, то этот выгрызал путь с низов. И потому, если чада себя плохо проявляли, их лишали удовольствий вроде отдыха за границей. Что один брат, что второй очень этому огорчались.

Пятое февраля — первый день занятий после зимней сессии и каникул. В университете мне сразу понравилось. После школьного болота самое то. Вообще другая тема.

Во-первых, много телочек. Это весьма приятный плюс, хоть серьезно и не отношусь к девчонкам, но люблю их до ужаса. А как не любить, когда есть за что? Секс — одно из лучших наслаждений, данное человеку, и большое спасибо и низкий поклон кому бы то ни было за это. С пятнадцати лет и по сей день не знаю вещи лучше. Ну, может, только скорость.

Во-вторых, с тобой перестают сюсюкаться, как в школе. Ненавижу сюсюканье. Оно вымораживает. Хотя его можно потерпеть при одном условии — секс. Хороший секс.

Из минусов: тягомотная учеба и некоторые чокнутые преподаватели. Например, как сегодняшняя социологичка. Она впервые у нас, но всем уже давно все о ней известно. Взятки не берет, задает какую-то чушь, и часто из-за нее отсеивают с потока. Мне, конечно, несильно это грозит. Но все равно не хочется лишний раз отца дергать. Он и так мне всю плешь проел, что я живу на готовых харчах и совсем разленился. Нервничает, видать, перед выборами.

Вова резво паркуется. До пары остается пять минут, нам нужно успеть добежать до третьего этажа. Поэтому хватаем свои стаканчики и бежим к корпусу. Уже в институте на лестнице нечаянно кого-то задеваю, и мой кофе слегка расплескивается. Останавливаться не собираюсь.

— Сорри! — кричу.

— Козел! — слышу в спину злобно. Но мне-то что? Мне плевать.

Устраиваемся с парнями на галерке, как раз за минуту до прихода преподавательницы. Невысокая женщина. Волосы какие-то немые и короткие, зачесаны назад, лицо все в морщинах. Большие светлые глаза за стеклами очков слегка выпучены, словно она все время напрягается.

— Ох ты, — проговариваю шепотом, — красotka, ты — моя.

Близнецы стараются смеяться как можно тише. Фыркают и услышавшие рядом, а слушают меня всегда.

— Добрый день, учащиеся! — проговаривает преподаватель, взглянув на часы. — Я профессор Тарантайко Антонина Васильевна, рада вас приветствовать

на одном из самых важных и значимых предметов — социологии. Прежде чем начнем выяснять, о чем эта наука и какие аспекты охватывает, мы поговорим вот о чем — ваши проекты. Наверняка вы о них слышаны.

Раздается одобрительное гудение со всех рядов. Она поднимает руку, прося тишины. Откидываюсь на спинку и прикрываю глаза. Чертовски хочется спать. Ее монотонный голос лишь сильнее усыпляет. Не вникаю в суть ровно до того момента, пока не раздастся щелчок, мое внимание моментально приковано к открывающейся двери. Заходит девчонка со светлыми волосами, стянутыми в низкий короткий хвост. На ней застиранные джинсы и обычный свитер с мокрым пятном на боку, который она тщетно пытается прикрыть сумкой. Я это называю «общая масса» — не пятна, девушек.

— Извините, пожалуйста, можно зайти? — как-то безнадежно выдыхает она.

Тонкие брови Тарантайко (вот это фамилия, черт возьми!) поднимаются. Она демонстративно смотрит на часы, потом — на девушку.

— Я не допускаю опозданий на свое занятие. Волей случая, девушка, вам повезло, что сегодня оно первое. Проходите, садитесь. И впредь, если опоздаете хоть на полминуты, не стоит входить и прерывать лекцию. — Преподаватель поправляет волосы и снова обращает свой взор на студентов за партами: — Итак, я продолжу. Проект будут делать двое, что упрощает задание: две головы лучше, чем одна. По крайней мере, я на это надеюсь. Выполнить и сдать проекты нужно за неделю до зачетной недели. Специализация у вас правовая, но задания направлены больше на социальные институты — брак, государство, религия... В общем, будет интересно.

— Я не врубаюсь, — обеспокоенно проговаривает Толя.

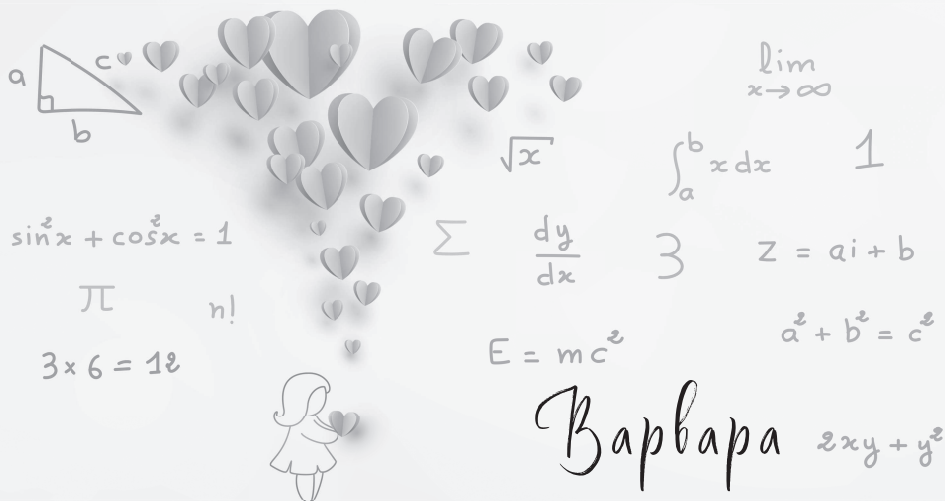
— Работы, вызвавшие мой восторг, — а по опыту таких бывает одна-две, максимум три, — по ним зачет ставится автоматом всем участникам.

— Что это вообще за хрень такая? — возмущается Вова, и я абсолютно с ним солидарен.

— Еще один момент. Партнеров по выполнению проекта я назначаю один раз и сама. Можете даже не подходить с просьбами заменить или поменять. Мы, господа, должны уметь находить общий язык в нашем небольшом социуме. Мой метод подбора партнеров совершенно прост. Я называю первую фамилию и зеркально ей нахожу вторую последнюю, и так до середины, — садится за стол и открывает журнал. — Приступим, а вы не забывайте записать фамилию и запомнить своего партнера по проекту. Первый по списку: Артемов Григорий, ваш партнер будет Якушев Сергей. Следующий Антоныч Варвара, ваш партнер будет... Та-ак... Ярославский Тимур...

Опоздавшая девушка поворачивается, и ее глаза встречаются с моими. О, а они у нее зеленые. Хмыкаю и салютую. Она недовольно хмурит брови и отворачивается, что-то бубня себе под нос. Просто замечательно. Надеюсь, девчонка из бюджетников — они обычно умные и усердные, и ей не будет слишком сложно. Кто-то же должен сделать этот проект, и это буду не я.

Выпрямляю спину и стараюсь удобнее устроиться на жестком стуле. Жду, когда девушка обратит на меня внимание. И наконец удосуживаюсь быстрого взгляда.

— Мне нужно переехать в общежитие, — выдаю секретарю. Девушка на этот раз не отвлекается от монитора, продолжая печатать.

— Вы собрали весь пакет нужных документов? — спрашивает.

— Какой пакет? — выдыхаю. Конечно, все не могло быть просто. Никогда не бывает. Она отвлекается от монитора, чтоб взглянуть на меня.

— На стенде напротив кабинета висит распечатка. Вы бюджетник?

— Да.

— Лучше б вам, конечно, в начале года заявление подавать, а сейчас, даже если соберете бумаги, у нас очередь. Придется ждать.

— Ох, — расстроено выдыхаю, — большая?

— Честно? Не думаю, что вы сможете до сентября въехать. И это в лучшем случае.

Вот блин!

— Но я не могу до сентября!

— Сожалею, — сочувственно смотрит на меня секунд пять и снова принимается что-то печатать, уже забыв о моем существовании.

Медленно встаю со стула и выхожу в коридор. Облокачиваюсь о стену, не зная, куда себя деть от нахлынувшего отчаяния. Уже сегодня мне негде ночевать. А еще три дня назад у меня вроде было свое постоянство и человек, на которого можно положиться. На которого *привыкла* полагаться. Прикрываю глаза, окунаясь в тот вечер, когда моя и так никчемная жизнь стала еще хуже.

— Мы с Лидой решили жить вместе, — сообщает Глеб.

Поворачиваю голову. Он стоит в проеме двери моей комнаты, облокачиваясь о косяк. Я только пришла с восьмичасовой смены, поэтому лежу. Ноги гудят.

Не понимаю, о чем он говорит? Какая Лида?

— О чем ты?

— О своей девушке и обо мне.

Информация доходит до меня ровно три секунды. И поражает в самое сердце, расплываясь болью по всему телу. У него есть девушка, но я никогда не думала, что...

Глеб Коршунов — мой друг детства. Именно он всю жизнь тянет меня, помог выбраться из трясины и начать жить самостоятельно. Помог поверить, что я смогу все преодолеть и добиться своего. Мой лучший друг, моя опора. Во всем правильный — идеал мужчины: от безукоризненного греческого профиля до манеры подавать себя. Серьезный, целеустремленный, сильный. Я почему-то решила, что он обязательно меня полюбит. Не просто же так он обо мне заботился.

